

А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Изд-во «Просвещение». Л., 1967.

Несмотря на солидную традицию в исследовании русского глагола, многие понятия (вид, залог, наклонение и др.) не получили до сих пор однозначного толкования.

Новой интересной работой, посвященной сложным вопросам определения грамматических категорий вида, залога, времени, наклонения и лица, описанию системы форм глагола и функционирования их в речи, является недавно вышедшая в свет книга «Русский глагол»¹. С этой книгой полезно познакомиться преподавателям, обучающим русскому языку как иностранному.

Каждая грамматическая категория глагола рассматривается в этой работе в соотношении с функционально-семантической категорией. В книге дается сопоставление «... глагольного вида и функционально-семантической категории „аспектуальности“, категории времени и „темпоральности“, наклонения и модальности, лица и „персональности“, залога и „залогости“...» (стр. 5).

Исходя из учения академика И. И. Мещанинова о понятийных категориях [1], А. В. Бондарко определяет функционально-семантическую категорию следующим образом: «Критерием выделения таких категорий является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней. Функционально-семантическая категория, как и всякая другая языковая категория, имеет план содержания и план выражения. Ее содержание — это целая семантическая область, которая охватывает (может охватывать) грамматические и лексические значения, отличающиеся друг от друга и все же объединенные определенным общим понятием» (стр. 4. 5).

Грамматическая категория «... представляет собой как бы

грамматическое, в частности морфологическое, ядро функционально-семантической категории. По отношению к этому „центру“ другие компоненты категории представляют собой „периферию“» (стр. 5).

Функционально-семантическая категория выражается средствами разных уровней языка: грамматическими (морфологическими и синтаксическими), словообразовательными, лексическими, а также средствами контекста.

Так, характер протекания действия (функционально-семантическая категория аспектуальности) выражается прежде всего формой совершенного и несовершенного вида (*рассказать* — *рассказывать*, *перечитать* — *перечитывать*, *начать* — *начинать* и т. д.).

Лексическим средством выражения аспектуальности являются способы действия. При характеристике способов действия автор исходит из теории, отдельные положения которой встречаются в трудах многих лингвистов; подробно она изложена в работах Ю. С. Маслова² и А. В. Исаченко [2].

Глагольный вид определяется в книге как грамматическая категория, которая в плане содержания обозначает различия в представлении протекания действия, а в плане выражения является системой противопоставленных форм совершенного и несовершенного видов (*читать* — *прочитать*, *перечитать* — *перечитывать*, *решить* — *решать*, *ставить* — *поставить* и др.). При этом непарные глаголы (по данным И. Т. Мучника [3], они составляют 31% общего количества — примерно 9 тыс. исследованных глаголов) включаются в общую систему видовых противопоставлений «... потому, что существует не только противопоставление членов видовых пар, но и

противопоставление всех образованных одного вида всем образованиям другого вида...» (стр. 42).

Вид и способ действия отличаются в плане выражения и сближаются в плане содержания.

По определению автора, «способы действия — это семантические (отчасти словообразовательные) группировки глаголов, выделяемые на основании общности типа протекания действия. Ср., например, такие глаголы, как *разбушеваться*, *размечтаться*, *разболеться* и т. п., или глаголы состояния (*стоять*, *дремать*, *гордиться*, *злорадствовать* и т. п.)» (стр. 11).

Анализируя способы действия, А. В. Бондарко впервые классифицирует их на основании определенного формального признака. Автор выделяет характеризованные (*пробежать*, *проболеть*, *проблуждать* и т. д.; *разбушеваться*, *разволноваться*, *размечтаться* и т. д.; *побаливать*, *покуривать*, *позевывать* и др.) и нехарактеризованные способы действия (*беседовать*, *гулять*, *жить*, *готовить* и др.). В первом случае характер протекания действия «... специально подчеркивается определенным формальным показателем, т. е. имеет не только лексическое, но и словообразовательное выражение» (стр. 14). Во втором случае способ действия выражен только лексически. Кроме того, автор отмечает и такие случаи (непосредственно характеризованные способы действия), когда характер протекания действия выражается определенными словообразовательными группами и глаголами, примыкающими к ним по своей семантике (*мигнуть*, *толкнуть*, *хлопнуть* и т. д. и *схватить*) (стр. 14).

Говоря о глагольной лексической аспектуальности, автор выделяет «аналитические способы действия» (стр. 50). Они обозначают начало действия (*начать читать*, *приняться работать*), конец действия (*кончить читать*, *перестать работать*), длительность действия

¹ Глава «Категория залога» написана Л. Л. Буланиным, остальные главы — А. В. Бондарко.

² См. библиографию, указанную в книге.

(*молчал, молчал; живу, живу*), на-
ступление интенсивного действия
(*как закричала, как вскочит*) и др.

Рассматривая неглагольную
лексическую аспектуальность, ав-
тор указывает на то, что средства
ее оформления заключены не в
самом глаголе, а в различных
«внешних» выразителях. Для обо-
значения повторяемости употреб-
ляются слова и словосочетания:
*часто, обычно, каждый день, по
пятницам* и др., длительности —
долго, час, весь год и др., непре-
рывности — *постоянно, непрерывно*
и др., завершенности (незавер-
шенности) — *уже, еще, совсем*
и т. д.

Как внешне дополнительные
выразители аспектуальности в
книге называются и синтаксиче-
ские средства, такие, «... как сред-
ства связи, соотношение и распо-
ложение частей сложного предло-
жения, порядок слов» (стр. 51).
Очень жаль, что последнее поло-
жение никак не раскрыто, не под-
креплено примерами.

Подробная разработка проб-
лем, связанных с категорией вида
и способами действия, тонкий
анализ и детальная классифика-
ция большого количества языко-
вых фактов представляют большо-
й интерес для преподавателей,
обучающих русскому языку ино-
странных.

Важным также с точки зрения
обучения языку является данное
в книге определение видовой па-
ры: «Видовую пару составляют
образования противоположных ви-
дов, тождественные по лексиче-
скому значению» (стр. 36). При
этом допускается, что глаголы
совершенного и несовершенного
вида образуют видовую пару, если
есть совпадение хотя бы в одном
из значений.

В книге дается описание мор-
фологических типов видовых пар
(стр. 32): это видовые пары, об-
разованные в результате импер-
фективации (*перечитать — пере-
читывать, решить — решать*), пер-
фективации (*ставить — поставить,
просить — попросить* и др.)³, суп-
плетивные видовые пары (*брать —
взять*), двувидовые глаголы (*ис-
следовать*).

Перечисленные выше морфоло-
гические типы видовых пар

А. В. Бондарко относит к двум
структурно-грамматическим ти-
пам: 1) «члены видовой пары —
формы одного слова» (стр. 37)
*перечитать — перечитывать, доде-
лать — доделывать*; 2) «члены ви-
довой пары — разные слова» *тре-
бовать — потребовать, делать —
сделать, ставить — поставить,
брать — взять* (стр. 38).

К первому типу он относит ви-
довые пары, образованные в ре-
зультате имперфективации, ко вто-
рому — видовые пары, образован-
ные в результате перфективации,
и супплетивные видовые пары.

А. В. Бондарко впервые на ос-
новании структурно-грамматиче-
ского признака выделяет видовые
пары, состоящие из разных слов.

Выделение структурно-грамма-
тических типов видовых пар
(стр. 37) может быть последова-
тельным на уровне морфологии,
т. е. при имперфективации (путем
суффиксации) происходит процесс
образования форм несовершенного
вида (*дописать — дописывать, переде-
лать — переделывать* и др.), а при
перфективации (путем префикса-
ции) образуются главным обра-
зом новые слова: *просить — до-
просить, ставить — переставить*.

Но картина меняется при ана-
лизе на уровне лексики. Здесь и
автором указываются случаи, ког-
да и при имперфективации, и при
перфективации мы встречаемся с
видовыми парами, полностью сов-
падающими по лексическому зна-
чению (*застыть — застывать, за-
плыть — заплывать* и *ставить —
поставить*) и соотносительными
не во всех значениях (*защитить —
защитять* и *белеть — побелеть*).

Очень трудно признать разны-
ми словами, как предлагает ав-
тор, а не разными грамматиче-
скими формами глаголы типа *ста-
вить — поставить*, которые полно-
стью совпадают во всех значени-
ях⁴. Особенности употребления в
речи глаголов *ставить* и *решать*,
с одной стороны, глаголов *пос-
тавить* и *решить*, с другой, опреде-
ляются чисто видовыми различия-
ми, на что преподаватели, обуча-
ющие иностранцев, и должны об-
ращать внимание. Исходя из це-
лей обучения языку, среди слово-

форм, образованных путем пер-
фективации, целесообразно выде-
лять глаголы, у которых совер-
шенный вид является формой то-
го же слова: *ставить — поставить,
просить — попросить* и др., и гла-
голы, образующие с помощью
приставки слова с новым лекси-
ческим значением (*ставить — пере-
ставить, просить — допросить*).

В книге содержится раздел,
посвященный функционированию
видов.

При определении закономерно-
стей в употреблении видов выде-
ляется два момента: временной
(или модальный) план и тип ас-
пектуального контекста. «Времен-
ной план — это та или иная
функциональная разновидность
времен изъявительного наклоне-
ния, а также причастий и деепри-
частий, которая оказывает влия-
ние на употребление видов». «Тип
аспектуального (или аспектуально-
темпорального) контекста — это
тип соотношения действий, выра-
женных глагольными формами в
сочетании с другими — лексиче-
скими и синтаксическими — эле-
ментами контекста, влияющими на
функционирование видов» (стр.
61, 62)⁵.

В книге рассматривается толь-
ко прошедшее время единичного
действия и выделяются случаи,
когда временной план допускает
оба вида, преимущественно один
вид, только один вид.

При описании типов аспекту-
ального контекста дается пере-
чень синтаксических структур в
рамках простого и сложного пред-
ложения, в которых реализуются
указанные соотношения.

Для практических целей препо-
давания необходимо иметь де-
тальное исследование этого вопро-
са в отношении всех глагольных
форм с полным описанием воз-
можных типов аспектуального кон-
текста⁶.

Категория времени опреде-
ляется автором в соотношении с
функционально-семантической ка-
тегорией темпоральности.

Грамматическим, морфологиче-
ским ядром темпоральности яв-
ляется глагольное время. Кроме
того, темпоральность может выра-
жаться формами сослагательного
и повелительного наклонения, а

⁴ Интересные данные приводятся
в работе А. Н. Тихонова [4]. Им было
обследовано 1260 суффиксальных ви-
довых пар. И только 5,5 % составляют
случаи, когда наблюдается частичное
нарушение семантической соотносите-
льности. При обследовании 1235 пар с
чисто видовой приставкой было обна-
ружено, что 17 % составляют случаи
с испорченной семантической соотноси-
тельностью глаголов совершенного и
несовершенного вида.

⁵ См. разработку этих проблем в
работах Э. Кошмидера. Э. Кошмидер
на материале польского языка выделяет
ситуации, которые требуют одного
вида, и ситуации, которые не требуют
определенного вида. При описании
ситуационных типов он выделяет
характерные для них контексты.

⁶ В целях преподавания русского
языка иностранцам эти проблемы раз-
рабатывает О. П. Рассудова [5, 6].

(*молчал, молчал; живу, живу*), на-
ступление интенсивного действия
(*как закричала, как вскочит*) и др.

Рассматривая неглагольную
лексическую аспектуальность, ав-
тор указывает на то, что средства
ее оформления заключены не в
самом глаголе, а в различных
«внешних» выразителях. Для обо-
значения повторяемости употреб-
ляются слова и словосочетания:
*часто, обычно, каждый день, по
пятницам* и др., длительности —
долго, час, весь год и др., непре-
рывности — *постоянно, непрерывно*
и др., завершенности (незавер-
шенности) — *уже, еще, совсем*
и т. д.

Как внешне дополнительные
выразители аспектуальности в
книге называются и синтаксиче-
ские средства, такие, «... как сред-
ства связи, соотношение и распо-
ложение частей сложного предло-
жения, порядок слов» (стр. 51).
Очень жаль, что последнее поло-
жение никак не раскрыто, не под-
креплено примерами.

Подробная разработка проб-
лем, связанных с категорией вида
и способами действия, тонкий
анализ и детальная классифика-
ция большого количества языко-
вых фактов представляют большой
интерес для преподавателей,
обучающих русскому языку ино-
странных.

Важным также с точки зрения
обучения языку является данное
в книге определение видовой па-
ры: «Видовую пару составляют
образования противоположных ви-
дов, тождественные по лексиче-
скому значению» (стр. 36). При
этом допускается, что глаголы
совершенного и несовершенного
вида образуют видовую пару, если
есть совпадение хотя бы в одном
из значений.

В книге дается описание мор-
фологических типов видовых пар
(стр. 32): это видовые пары, об-
разованные в результате импер-
фективации (*перечитать — пере-
читывать, решить — решать*), пер-
фективации (*ставить — поставить,
просить — попросить* и др.)³, суп-
плетивные видовые пары (*брать —
взять*), двувидовые глаголы (*ис-
следовать*).

Перечисленные выше морфоло-
гические типы видовых пар

А. В. Бондарко относит к двум
структурно-грамматическим ти-
пам: 1) «члены видовой пары —
формы одного слова» (стр. 37)
*перечитать — перечитывать, доде-
лать — доделывать*; 2) «члены ви-
довой пары — разные слова» *тре-
бовать — потребовать, делать —
сделать, ставить — поставить,
брать — взять* (стр. 38).

К первому типу он относит ви-
довые пары, образованные в ре-
зультате имперфективации, ко вто-
рому — видовые пары, образован-
ные в результате перфективации,
и супплетивные видовые пары.

А. В. Бондарко впервые на ос-
новании структурно-грамматиче-
ского признака выделяет видовые
пары, состоящие из разных слов.

Выделение структурно-грамма-
тических типов видовых пар
(стр. 37) может быть последова-
тельным на уровне морфологии,
т. е. при имперфективации (путем
суффиксации) происходит процесс
образования форм несовершенного
вида от форм совершенного вида
(*дописать — дописывать, переде-
лать — переделывать* и др.), а при
перфективации (путем префикса-
ции) образуются главным обра-
зом новые слова: *просить — до-
просить, ставить — переставить*.

Но картина меняется при ана-
лизе на уровне лексики. Здесь и
автором указываются случаи, ког-
да и при имперфективации, и при
перфективации мы встречаемся с
видовыми парами, полностью сов-
падающими по лексическому зна-
чению (*застыть — застывать, за-
плыть — заплывать* и *ставить —
поставить*) и соотносительными
не во всех значениях (*защитить —
защитять* и *белеть — побелеть*).

Очень трудно признать разны-
ми словами, как предлагает ав-
тор, а не разными грамматиче-
скими формами глаголы типа *ста-
вить — поставить*, которые полно-
стью совпадают во всех значени-
ях⁴. Особенности употребления в
речи глаголов *ставить* и *решать*,
с одной стороны, глаголов *поста-
вить* и *решить*, с другой, опреде-
ляются чисто видовыми различия-
ми, на что преподаватели, обуча-
ющие иностранцев, и должны об-
ращать внимание. Исходя из це-
лей обучения языку, среди слово-

форм, образованных путем пер-
фективации, целесообразно выде-
лять глаголы, у которых совер-
шенный вид является формой то-
го же слова: *ставить — поставить,
просить — попросить* и др., и гла-
голы, образующие с помощью
приставки слова с новым лекси-
ческим значением (*ставить — пере-
ставить, просить — допросить*).

В книге содержится раздел,
посвященный функционированию
видов.

При определении закономерно-
стей в употреблении видов выде-
ляется два момента: временной
(или модальный) план и тип ас-
пектуального контекста. «Времен-
ной план — это та или иная
функциональная разновидность
времен изъявительного накло-
нения, а также причастий и депри-
частий, которая оказывает влия-
ние на употребление видов». «Тип
аспектуального (или аспектуально-
темпорального) контекста — это
тип соотношения действий, выра-
женных глагольными формами в
сочетании с другими — лексиче-
скими и синтаксическими — эле-
ментами контекста, влияющими на
функционирование видов» (стр.
61, 62)⁵.

В книге рассматривается толь-
ко прошедшее время единичного
действия и выделяются случаи,
когда временной план допускает
оба вида, преимущественно один
вид, только один вид.

При описании типов аспекту-
ального контекста дается пере-
чень синтаксических структур в
рамках простого и сложного пред-
ложения, в которых реализуются
указанные соотношения.

Для практических целей препо-
давания необходимо иметь де-
тальное исследование этого вопро-
са в отношении всех глагольных
форм с полным описанием воз-
можных типов аспектуального кон-
текста⁶.

Категория времени опреде-
ляется автором в соотношении с
функционально-семантической ка-
тегорией темпоральности.

Грамматическим, морфологиче-
ским ядром темпоральности яв-
ляется глагольное время. Кроме
того, темпоральность может выра-
жаться формами сослагательного
и повелительного наклонения, а

³ А. В. Бондарко считает эти фор-
мы разными словами, т. е. данное
соотношение не является грамматически
регулярным. Например, одному бес-
приставочному глаголу *просить* может
соответствовать несколько приставочных
глаголов совершенного вида: *выпросить,
допросить, попросить*. Кроме того,
в русском языке нет ни одной при-
ставки, которая имела бы чисто видо-
вое значение (стр. 39).

⁴ Интересные данные приводятся
в работе А. Н. Тихонова [4]. Им было
обследовано 1260 суффиксальных видо-
вых пар. И только 5,5 % составляют
случаи, когда наблюдается частичное
нарушение семантической соотноситель-
ности. При обследовании 1235 пар с
чисто видовой приставкой было обна-
ружено, что 17 % составляют случаи
с неполной семантической соотноси-
тельностью глаголов совершенного и
несовершенного вида.

⁵ См. разработку этих проблем в
работах Э. Кошмидера. Э. Кошмидер
на материале польского языка выделяет
ситуации, которые требуют одного
вида, и ситуации, которые не требуют
определенного вида. При описании
ситуационных типов он выделяет
характерные для них контексты.

⁶ В целях преподавания русского
языка иностранцам эти проблемы раз-
рабатывает О. П. Рассудова [5, 6].

также инфинитивом при определенном контекстуальном окружении. Темпоральность может быть обозначена и лексически — словами типа: *давно, в прошлом году, сегодня, через год* и т. д., элементами контекста (например, в неполных предложениях).

В книге детально описывается вся система временных форм, выделяются основные и частные значения прямого употребления времен, рассматриваются различия между их абсолютным и относительным употреблением, характеризуется переносное функционирование временных форм.

Общее значение времен изъявительного наклонения определяется набором семантических различительных признаков. Это отношение к грамматическому моменту речи: предшествование, одновременность, следование; локализованность действия во времени; перфектность. Последний признак выделяется для прошедшего времени.

В книге указывается ряд значений, не описанных в лингвистической литературе. Это, например, случаи переносного употребления форм будущего несовершенного со значением абстрактного настоящего.

При определении категории наклонения А. В. Бондарко исходит из концепции акад. В. В. Виноградова [7], согласно которой определяется соотношение грамматической категории наклонения и функционально-семантической категории модальности, выражающей отношение высказывания к действительности не только морфологическими, но и лексическими и синтаксическими средствами.

В книге приводится парадигма форм наклонений, их общие и частные значения.

Ценными для практических целей обучения являются данные в книге указания на лексические ограничения при образовании форм повелительного наклонения: невозможность образования повелительного наклонения от целого ряда глаголов (*значить, стоять, весить, близиться* и др., от различных глаголов). «... Лексически обособленную группу представляют формы императива совершенного вида с отрицанием, выражающие не предостережения (*не просынь*), а просьбу или условно-вежливое извинение: *не рассердись (-тесь), не обессудь (-те), не осуди (-те), не посетуй (-те), не побрезгуй (-те), не прогневайся (-тесь), не взыщи (-те)...*» ... формы настоящего — будущего совер-

шенного в сочетании с *не* особенно часто выражают оттенок невозможности в ограниченных группах лексики, где представлены, в частности, глаголы психической деятельности и чувственного восприятия: *не вспомню, не догадаюсь, не угадаю, не пойму, не разберу, не опомнюсь, не наглажусь, не налюбуюсь* и т. п. (стр. 133).

Небольшой раздел в книге посвящен категории лица, но т. к. этот раздел изложен в традиционном плане, а данная категория не вызывает больших трудностей при обучении иностранцев, мы не будем на нем специально останавливаться.

При определении грамматической категории залога Л. Л. Буланин, следуя положению, впервые высказанному акад. Б. Гавранком [8] и развиваемому А. В. Исаченко [2], (стр. 354—357), исходит из того, что «... это система грамматических форм глагола, устанавливающая отношение глагольного действия к подлежащему» (стр. 150). Залог определяется как «... общеглагольная словозменительная категория, находящая свое выражение в противопоставлении форм действительного и страдательного залога, это противопоставление базируется на параллелизме активных и пассивных конструкций» (стр. 156). Формы действительного залога (невозвратные формы переходных глаголов — *читать, строить* и возвратные и невозвратные непереходные глаголы — *сидеть, интересоваться*) характеризуют «... подлежащее как субъект действия» (стр. 150). Формы страдательного залога (возвратные формы переходных глаголов — *строиться*, формы кратких страдательных причастий — *построен*) характеризуют «... подлежащее как объект действия...» (стр. 150).

Положение о двузалоговой структуре русского глагола оказывается плодотворным и для практики преподавания, т. к. лишь действительный и страдательный залоговые имеют грамматическую дифференциацию.

Известно, что не все переходные глаголы могут иметь страдательный залог. В книге выделяются абсолютно необратимые и контекстуально необратимые глаголы. Абсолютно необратимые глаголы не образуют возвратных форм и страдательных причастий и в силу этого не могут иметь страдательного залога. Это глаголы со значением движения, перемещения (*миновать, обогнать* и др.), глаголы со значением речи,

мысли, чувства, восприятия и др. Автор делает предположение, что таких глаголов немного в русском языке. (Но для преподавания необходим полный список переходных глаголов, не имеющих страдательного залога.)

Контекстуальная необратимость зависит от структуры словосочетания и предложения.

Так, действительный оборот, в структуру которого входит зависимое деепричастие, нельзя трансформировать в страдательный.

Описывая действительный и страдательный обороты, автор выделяет одночленные (*сказали — было сказано*), двучленные (*книги выдаются утром — книги выдают утром*) и трехчленные (*почтальон разносит письма — письма разносятся почтальоном*) структуры, отмечает их соотносительность. При этом следует обращать внимание на отсутствие полного семантического параллелизма между ними, хотя они отражают один и те же явления внеязыковой действительности.

Большие трудности вызывает у иностранных учащихся употребление глаголов на *-ся* в силу того, что эти формы могут выступать в действительных и страдательных оборотах. Л. Л. Буланин вслед за Ф. Копечным и А. В. Исаченко делит все глаголы на *-ся* на две группы: 1) возвратные глаголы — это глаголы действительного залога, соотносимые и несоотносимые с глаголами без *-ся* (*интересоваться, смеяться, начинаться* и т. д.), 2) возвратные формы — это формы страдательного залога, образованные от переходных глаголов несовершенного вида. Возвратные формы могут быть омонимичны возвратным глаголам несовершенного вида, которые соотносятся с переходными (письма *разносятся* почтальоном, песни *разносятся* в тишине). Вне контекста такие возвратные глаголы и возвратные формы не различаются.

Возвратные формы не принимаются автором за самостоятельную лексему, а возвратные глаголы являются самостоятельным словом.

При обучении очень важно иметь в виду случаи омонимии возвратных глаголов и возвратных форм. В книге выделяется 4 типа таких соотношений:

1. Возвратные глаголы, не имеющие омонимичных возвратных форм (*переворачиваться, радоваться, сердиться* и др.). 2. Возвратные глаголы, имеющие малоупотребительные омонимичные

возвратные формы (*двигаться, вращаться, питаться* и др.).

3. Возвратные глаголы, имеющие омонимичные возвратные формы (*собираться, открываться, подниматься* и т. д.). Это самая большая группа. Возвратные глаголы и возвратные формы в этом случае различаются только в контексте (Он *поднимается* в гору. Штанга *поднимается* спортсменом).

4. Возвратные формы, не имеющие омонимичных возвратных глаголов (*зачисляться, арестовываться* и др.).

В практике преподавания возвратные глаголы должны рассматриваться в общей связи со всей глагольной системой русского языка, а возвратные формы — при изучении соотношения действительного и страдательного оборота.

В заключение хочется сказать, что использование структурных методов при описании глагольных категорий плодотворно и заслужи-

вает всякого внимания. Жаль только, что фрагментарный характер книги не позволил авторам сделать исследование более пол-

ным и глубоким, что значительно увеличило бы ценность данной работы в теоретическом и в практическом плане.

Литература

1. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.—2. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.—3. Мучник И. П. О видовых корреляциях и системе спряжения глаголов в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 92—106.—4. Тихонов А. Н. Чистовидовые приставки в системе русского видового формообразования. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 42—52.—5. Рассудова О. П. О лингвистическом обосновании методики преподавания видов русского глагола «Русский язык в национальной школе», 1963, № 6, стр. 36—42.—6. Она же. Виды в системе русского глагола и методика работы над видами глагола. В кн.: «Методика преподавания русского языка иностранцам». М., 1967, стр. 142—155.—7. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке. Труды Института русского языка АН СССР. Т. 2. М.—Л., 1950, стр. 38—79.—8. Havránek V. Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, I, 1928; II, 1937.

Т. М. Дорофеева

Я. Бездек, Л. В. Копецкий, Я. Коут, М. Форман. **Пособие по лексикологии русского языка.** Под ред. проф. Л. В. Копецкого. Praha, Státní pedagogické nakladatelství, 1967.

Рецензируемое пособие выходит уже вторым изданием, которое отличается от первого рядом дополнений. Мы ограничиваемся здесь обзором только второго издания.

1 глава «Общие понятия лексикологии» включает ряд разделов: «Предмет лексикологии и ее современное состояние», «Отношение лексикологии к другим разделам науки о языке, в частности к морфологии», «Понятие о словарном составе», «Слово и наименование» и др. Так же, как подобные главы во всех пособиях по лексикологии, она представляет собой изложение положений общего языкознания, иллюстрируемых примерами из русского языка. Там, где речь идет о различии словарных составов языков, сопоставляются, что вполне оправданно, элементы словарного запаса русского и чешского языков (например, в разделе «Значение слова», стр. 24—29).

К 1 главе, как и ко всем другим главам, дается библиография. Следует отметить, что списки рекомендуемой по каждой теме специальной литературы очень велики. Библиография составлена пол-

но, включает литературу на русском, чешском, словацком, немецком и других языках, начиная от монографий и кончая небольшими статьями в специальных журналах. Такая богатая библиография — одно из достоинств пособия. Она, несомненно, окажется полезной не только учащимся, но и преподавателям.

Разделы «Полисемия», «Синонимия», «Омонимия», «Антонимия» интересны прежде всего тем, что дают необходимые в методическом плане сопоставления русского языка с чешским и по-новому освещают некоторые положения (например, сопоставление значений слов *руда, глубокий, крыло*, стр. 36, 37). Обращают на себя внимание замечания о сходстве переноса наименования по функции с метафорой (стр. 36), о совпадении в двух языках первичных, так называемых денотативных значений слов. Последнее положение доказывается сравнительным анализом значений слов: русск. *крыло*, чешск. *křídlo*, русск. и чешск. *око*, ступень — *stupěň*, *бригада* — *brigáda* и др.

Авторы пособия коротко говорят и о национальном своеобразии

слов, заключающемся в выборе признака, по которому названо слово (для слов с внутренней формой), — русск. *крыло* автомобиля (сходство формы), чешск. *blatník* (по функции — защита машины от грязи). Внимание читателей обращается на то, что различные типы управления у отдельных значений многозначных глаголов устраняют эту многозначность, приведен ряд примеров несоответствия значений глаголов в русском и чешском языке (стр. 38—39). Здесь же очень кратко сказано о методе трансформации и субституции. Трансформация рассматривается на примере русского глагола *просмотреть*: *просмотреть книгу* и *просмотреть ошибку* (сравните: *просмотр книги*, но не *просмотр ошибки*). «Наличие многозначности в нашем примере можно установить также путем субституции. Во втором случае *просмотреть* может быть заменено на *пропустить*, в то время как в сочетании *просмотреть пьесу в театре* этой замены произвести нельзя» (стр. 40).

Раздел «Омонимия» содержит, кроме обычного анализа двух видов омонимов, различающихся по

происхождению, краткий разбор случаев конверсии — перехода слова в другую часть речи: *тепла* — наречие, *тепло* — категория состояния. Может быть, этим примерам уделяется внимание потому, что «такие случаи часто представляют затруднения при переводе с чешского языка на русский» (стр. 49).

Здесь же приведены чешско-русские омонимы, различные виды их: слова, возникшие из одинаковых морфем (*вязанка*, разг. — вязаная кофточка — *vázanka* — *gal-stuk*), слова — комбинации морфем, различающихся по значению: *podvodník*, русск. — от *вода*, *rod vodník* от *vésti* (*вести* — *водить*). Составители пособия анализируют чешско-русские омонимы, возникшие на почве разных семантических процессов: расширения значения (*неделя* — русск. '7 дней' — вторичное, расширенное; чешск. — 'день отдыха, воскресенье'); сужения значения у чешских слов: *jáhoda*, *zříje* и др.); сдвиг смыслового центра (*žadný*, *řítomec* в чешском языке).

III глава «Русская лексика с точки зрения ее происхождения» построена только на русском лексическом материале, так как касается процессов, происходящих в русском языке.

Поскольку в «современных программах педагогических факультетов нет специального курса старославянского языка» (стр. 64), в книге дается очень краткая, но все же достаточно определенная и четкая характеристика старославянского языка и отрывок старославянского текста с чешским переводом (стр. 65).

Невелик по объему (стр. 70—72), но интересно разработан и содержит много нового материала раздел «Слова из живых славянских языков». Есть специальный параграф «Сопоставление русской и чешской лексики» (стр. 77—83), сравнительно большой по объему и содержащий классификацию лексики по относительному совпадению в русском и чешском языках (по работам проф. Л. В. Копецкого, С. Пораковой, И. Влчка)¹.

¹ В этом разделе излагаются также основные положения работы проф.

Параграф «Основные типы словообразования в русском языке» включен в курс лексикологии, а не выделен в особый раздел. Интересно, что к группе слов, образованных лексико-семантическим способом, авторы относят не только слова, возникшие в результате распада слова на омонимы, но и возникшие путем метафоризации (сравните: «о человеке — осёл, баран, рыба», стр. 85), тогда как было распространено мнение, что это не самостоятельные слова, а синтаксически обусловленные значения слов.

IV раздел называется «Расслоение лексики русского языка» и содержит части: «Лексика русского языка с точки зрения ее использования; активный и пассивный запас», «Лексика русского языка с точки зрения ее социально-диалектного состава». Здесь много внимания уделено лексике арголитической — вопросам происхождения различных групп ее, употребления в современном языке и использования в языке художественной литературы. Здесь же анализируется лексика профессиональная и терминологическая — как мы видим, составители различают эти слои словарного запаса: профессиональную лексику ремесла и терминологию науки. Но в примечании авторы указывают (ссылаясь на статью И. Р. Гальперина) и на другую точку зрения — отрицательное отношение некоторых исследователей к такому делению. «Лексика современного русского языка с точки зрения экспрессивно-стилистической» рассматривается очень кратко, но также в сопоставлении с чешскими словами.

Глава V «Фразеология» включает разделы: «Устойчивость и идиоматичность», «Способы классификации фразеологии» (по работам В. В. Виноградова, Х. Касареса, Н. М. Шанского), «Источники фразеологии». Все примеры устойчивых выражений даны с чешскими эквивалентами или с

А. В. Исаченко «К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков». *Slavia* 1959, № 3, стр. 334—352.

выражениями, которые могут заменить фразеологизмы, или с переводом этих фразеологизмов на чешский язык. В соответствии с характером и назначением данного пособия написан параграф «Сопоставительное изучение фразеологии».

«Развитие словарного состава русского литературного языка в связи с историей народа» — очень краткое описание основных периодов развития лексики русского литературного языка, начиная с древнейшего периода. Затем анализируются «Пути развития лексики и фразеологии русского языка в советский период» (стр. 160—166).

Последняя глава «Лексикография» значительна по объему и широте охвата материала: дается конкретный анализ словарей русского языка, много внимания уделено рассмотрению русско-чешских и чешско-русских словарей (Большого русско-чешского словаря, Русско-чешского словаря Л. В. Копецкого, Школьного русско-чешского словаря, Чешско-русского словаря под ред. К. Горалка, Б. Илка, Л. Копецкого и Чешско-русского словаря А. И. Павловича).

Затем рассматриваются этимологические словари, словари иностранных слов, фразеологические, частотные словари и др. Завершается эта глава разделом «Структура словарной статьи».

Кроме обширных списков литературы к каждой главе, о которых уже упоминалось, в конце пособия приведен список «Общие работы», составленный И. Коутом, и «Важнейшие библиографии». Так же, как библиография по главам, они включают не только работы русских, чешских и словацких ученых, но и труды на других языках.

Рецензируемая книга не только является ценным пособием для чешских студентов и преподавателей, но представляет несомненный интерес для филологов-русистов и преподавателей русского языка как иностранного.

В. Н. Прохорова

F. Häusler. *Russische Aussprache*. Leipzig, 1966.

Рецензируемое учебное пособие по русской фонетике содержит краткий теоретический обзор, составленный д-ром Ф. Хойслером,

и пластинку с учебным текстом. Учебный материал пособия включает звучание образцы русских слов, словосочетаний и предложе-

ний и представляет собой ряд последовательно подобранных иллюстраций наиболее трудных явлений русской фонетики. Пособие

рассчитано на взрослых, изучающих русский язык и желающих усовершенствовать свое произношение.

В «систематической части» пособия можно найти краткий и вместе с тем строго научный ответ практически на все основные вопросы русской фонетики. Наряду с общей характеристикой русских звуков и описанием их артикуляции приводятся важнейшие правила и исключения в области произношения и интонации.

Пособие составлено с учетом опыта преподавания русского языка немцам. Основное внимание уделяется тем фонетическим явлениям, которые представляют наибольшие трудности для немецких учащихся. Это редукция гласных и палатализация согласных, различие звонких и глухих согласных и произношение шипящих, различные случаи ассимиляции и выпадение согласных, долгие согласные и отсутствие «твердого приступа» (Klasklaut) в русском языке. Позитивные варианты гласных, смысловозначительная функция твердых и мягких согласных, отличия палатализации от «йотированного» произношения согласных — эти и другие явления наглядно показаны на основе противопоставления.

Учебный материал пособия состоит из 13 уроков, рассчитанных на отработку трудных звуков в часто встречающихся позициях (например, *и—ы; е и я* после мягких согласных; *л, р; ж, ш* и т. д.). Ряд упражнений содержит примеры на различные случаи ассимиляции (*отдых, с горы*), диссимиляции (*легкий*), выпадения согласных (*да здравствует солнце*), долгих согласных (*вводная статья*). В 13-м уроке даются образцы интонирования основных коммуникативных типов предложений. Составитель стремился отобрать для упражнений те слова и фразы, которые пригодятся учащимся в дальнейшем изучении языка.

Однако отбор материала проводится не всегда последователь-

но. Некоторые предложения служат лишь иллюстрацией употребления звуков, не имея никакой коммуникативной ценности (*Петя смотрел через дверь на светлые свечи*). Следовало бы заменить более «подходящими» словами целый ряд редких и специальных слов: *былины, посыльный, ярлык, естество* и т. п.

Упражнения построены по следующей общей схеме. Звук дается вначале в изолированных словах, а затем в словосочетаниях и предложениях. При противопоставлении звуков (например, *и—ы*) в указанной последовательности отработывается каждый звук отдельно, после чего оба звука закрепляются «по контрасту» в парах типа *бить—быть*. Снятезирующее предложение, в котором попеременно встречаются оба звука, позволяет контролировать степень и качество их усвоения. Основную цель фонетических упражнений автор видит в том, чтобы довести до автоматизма навык правильного произношения звуковых комбинаций, не свойственных немецкому языку. В центре внимания стоят, таким образом, не изолированные звуки, а комплексы звуков.

Известно, что предупредить ошибку легче, чем исправить ее. Руководствуясь этим принципом, автор указывает на типичные случаи искажения русского произношения и предлагает различные способы их преодоления. Так, звук *ы* [y] немецкие учащиеся подменяют звуком *й* [y:], и вместо *выбора* у них получается *вибор*. Часто вместо *супа и салата* мы слышим *зуп и залат*.

Раздел об интонации отличается обилием примеров. Автор дает определение и называет компоненты интонации, сравнивает различные типы фразового ударения, указывает на несоответствие между паузами и знаками препинания и перечисляет основные случаи несовпадения. Следуя традициям немецкого языкознания (сравните работы О. Эссена), автор сводит

все многообразие фразовой мелодики в русском языке к трем типам: интонация понижающаяся, вопросительная и повышающаяся, или интонация незаключенности. Сравнивая мелодику русского и немецкого предложения, автор пособия приходит к выводу, что интонационное различие двух языков наиболее отчетливо проявляется в мелодике общего вопроса: *Он был здесь? — War er hier?*

Пособие в значительной степени выиграло бы, если устранить досадные погрешности и неточности в словоупотреблении, пропуски и опечатки. Укажем на некоторые из них. Предложение *Извозчик, везущий багаж, дал мне счет* (стр. 13) невозможно в современном языке, так как у нас давно нет извозчиков, к тому же счет дают обычно в ресторанах или магазинах. По-русски нельзя сказать: *Метро отходит от станции* (стр. 55). Фраза *Людмила боялась, чтобы не утонуть и полыхала к лодке* (стр. 11) построена по нормам немецкого синтаксиса. Имеются несоответствия в переводе: *шинель* — не просто Mantel, а скорее Militärmantel, а отдых — это не всегда Urlaub (отпуск).

В конце пособия можно было бы дать контрольные вопросы и задания, цель которых — проверить усвоение теоретических знаний и владение практическими навыками по окончании курса. Наше предложение вызвано как необходимостью обратной связи, так и ориентацией пособия на взрослую аудиторию.

В целом же это нужное и интересное пособие, помогающее немецким учащимся усвоить основы русского произношения, заслуживает положительной оценки и повторного издания в исправленном и усовершенствованном виде.

И. Г. Ольшанский

R. Zimek. Problematika spony v rustine v porovnaní s cestinou. Praha, 1963, 166 str.

В последние годы в Чехословакии было издано несколько монографий и коллективных сборников, посвященных синтаксису русского языка [1—8]. Эти работы свидетельствуют прежде всего об обстоятельности изучения языко-

вых моделей и удачном сочетании традиционных и современных методов анализа синтагматических отношений. Эти особенности в полной мере свойственны и рецензируемой книге. Содержание монографии Р. Зимека выходит за

пределы тематики, указанной заглавием книги. Многоплановость исследования обусловлена особенностями функционирования связи, являющейся, как известно, своеобразным фокусом, где скрещиваются и преломляются многие

логико-грамматические отношения.

В первой главе кратко анализируются теоретические основы интерпретации связочных глаголов славянских языков. Автор учитывает все основные точки зрения, хотя здесь, и особенно в дальнейшем изложении, с большей обстоятельностью рассматриваются высказывания (иногда несущественные) чехословацких ученых, тогда как некоторые значительные суждения русских и советских языковедов не принимаются во внимание.

Вторую главу — «Функции глагола *быть* в русском и чешском языке» — составляют несколько самостоятельных разделов. Отметим наиболее интересные.

Учение о связке восходит к основам формальной логики Аристотеля. Но понятие связки, как подчеркивает Р. Зимек, было заимствовано не грамматикой из логики, а, напротив, логикой из грамматики¹. Совершенно различно в современной логике и грамматике рассматривается понятие предикации, хотя и лингвистическая интерпретация отличается разнообразием и противоречивостью точек зрения. При узком понимании (В. Матезнус, В. Шмидляуер, К. Л. Эбеллинг) предикацию отмечают лишь в предложениях двусоставных (сравните положения традиционной логики). Широкое понимание предикации (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов), отождествляемой с коммуникативной, допускает возможную невыраженность субъекта. Автор монографии вместо этих определений предлагает иное истолкование предикации.

Конstituирующим членом предложения Р. Зимек считает предикат, выражающийся в наших языках личными формами глагола или конструкцией «связочный глагол + присвязочный неглагольный член». Грамматический предикат вместе с подлежащим образует предикативную синтагму, но может функционировать и вне синтагмы — в одночленных предложениях. Следовательно, грамматическая предикация — это один из способов создания высказывания.

такой способ, при котором отношение высказываемого факта к действительности в плане временном и модальном реализуется при помощи предиката. Необходимой принадлежностью предикации является глагол — знаменательный или связочный. В концепции Р. Зимека сочетаются известные теоретические положения А. М. Пешковского, Ф. Данеша, К. Гаусенбласа. Такое понимание предикации предопределяется структурными особенностями чешского языка и всех тех западноевропейских языков, где глагол является непрерывным компонентом предикативной основы предложения. Вместе с тем мы находим, что это истолкование вполне применимо и к русскому предложению. Наше заключение обусловлено прежде всего глубокими и весьма интересными суждениями Р. Зимека о нулевой связке в русском языке.

Раздел о нулевой связке представляется самым удачным не только во второй главе, но и во всей книге. Эта синтаксическая единица, — подчеркивает Р. Зимек, — свойственна лишь русскому языку, в чешском же пропуск связки следует квалифицировать как эллипсис. Нулевая связка — это «значимое» отсутствие глагола *быть* в настоящем времени, когда нулевой десигнатор находится в системной оппозиции к выраженным формам связки. Такая характеристика нулевой связки позволяет обнаружить новые аспекты при анализе функционального употребления номинативных предложений, газетных заглавий, анафорических высказываний и т. п. Так, например, с этих позиций исследователь весьма аргументированно доказывает, что слова типа *это, как, словно, точно* (сравните *Лебедь — это птица, Он как слепой*) вопреки распространенному мнению не следует считать особыми связками².

Учение о нулевой связке обладает большой объяснительной силой, которая, однако, еще недостаточно используется. Так, до последнего времени (сравните новейшие исследования Н. Ю. Шведовой) структура русского предложения изучалась преимущественно на основе конструкций презентного плана, несмотря на то что эти конструкции (особенно с нулевой связкой) являются деформированным отражением предложений иных модально-временных планов. Предложение следует изу-

чать не изолированно, а комплексно, в системе парадигматических изменений его конституирующего члена — сказуемого. Это позволит понять структурное своеобразие русского предложения и обнаружить его скрытые особенности. Рассмотрим конкретный пример. В предложениях типа *Фабрика построена в 1967 году* и *В 1967 году построена фабрика* — представлен прямой и обратный порядок слов. Если бы мы, ограничившись изолированным рассмотрением этих конструкций, мысленно «спроецировали» их в план прошедшего времени, то связку поместили бы на ее обычное (по грамматикам!) место — между подлежащим и сказуемым: *Фабрика была построена в 1967 году* и *В 1967 году построена была фабрика*. Но такое решение было бы ошибочным. Здесь требуется принципиально иной подход. Комплексный анализ должен начинаться с рассмотрения противопоставленной конструкции, где связка формально выражена, например в плане прошедшего времени. Как показали наши наблюдения, фактически единственным репрезентантом обратного порядка таких предложений является конструкция типа *В 1967 году была построена фабрика*. Значит, эти и только эти конструкции могут дать «зеркальное» отражение закономерностей расположения всех компонентов предложения с нулевой связкой и обратным словопорядком.

Следующий комплекс проблем включает в себя вопросы самостоятельного и связочного употребления глагола *быть*. Значения глагола *быть* предлагается различать посредством трансформации всей конструкции в негативный презент. В отличие от чешского в русском языке при связочном значении должна употребляться только отрицательная частица *не*, тогда как при самостоятельном употреблении глагола выступает отрицание *нет*, сравните: *Сегодня я был занят — Сегодня я не занят; Сегодня было холодно — Сегодня не холодно; Сегодня был дождь — Сегодня нет дождя*. Такие трансформации могут найти широкое применение в учебниках русского языка, особенно в пособиях для иностранцев. Заметим, однако, что использование этого строгого правила свидетельствует о недостаточной четкости позиций ученого. Некоторые конструкции квалифицируемые им как связочные, легко обращаются в презент с отрицанием *нет*; сравните: *Byl večer, Bylo pondělí* (*Был вечер, Был поне-*

¹ Доказывая это положение, автор ссылается на недавние исследования немецкого логика Э. Альбрехта. Однако еще в XIX веке Ф. И. Буслав (известный нам как «логикист») утверждал, что связка «введена была в логику из грамматики тех языков, в которых между подлежащим и сказуемым, выраженными в форме имен существительных или прилагательных, употребляли связку глагол вспомогательный, каковы языки: греческий, латинский и некоторые другие» [9].

² Подобные суждения высказывались и ранее [10].

дельник) — Нет свободного вечера, Нет понедельника без неприятностей.

Касаясь проблематики предикативов — слов категории состояния, Р. Зимек предлагает новую характеристику этой части речи. В конструкциях типа *Было морозно* глагол *быть* выполняет функции связки, а не вспомогательного глагола, компонента аналитической формы, как это считают В. В. Виноградов, А. В. Исаченко и многие другие ученые. В состав этой части речи автор монографии включает только те слова (типа *надо, можно, нельзя*), которые функционируют исключительно в роли предиката. А слова типа *холодно, весело, тепло*, выступающие как в качестве обстоятельства, так и предиката, он относит к наречиям.

В третьей главе — «Соотношение глагола *býti* и *miti*» — речь идет о языковых фактах, уже достаточно хорошо описанных в литературе [1]. Это позволило Р. Зимеку уделить основное внимание классификации значений этих глаголов. Конструкции с *miti* (*иметь*) характеризуются как особые трансформы конструкций с *býti* (*быть*). Эти глаголы находятся в признаковом противопоставлении: маркированный член *miti* обладает всеми значениями глагола *býti* и, кроме того, посессивностью. Немаркированный член *býti* отношения к заинтересованному лицу не выражает. Заметим также, что Р. Зимек уже давно занимается проблематикой посессивности [12] и намерен рассмотреть ее дополнительно в особой монографии.

В четвертой, последней главе исследования анализируется употребление остальных связочных и полусвязочных глаголов. Автор пытается прежде всего определить, в каких глаголах преобладает формальное значение, какие глаголы имеют в равной степени и связочное, и лексическое значение. Иными словами, здесь дается двойное градуирование — определяется нижняя граница: между глаголом *быть* и полусвязочными глаголами, и верхняя: между теми же полусвязочными глаголами и глаголами лексически самостоятельными (сравните: *Володя был веселым; Володя остался веселым; Володя пришел веселым*). Проволя «верхнюю» границу, Р. Зимек предлагает отличать полусвязочные глаголы от лексически полнозначных посредством трансформационных операций. Предложения с лексически полнозначными глаголами можно разложить на две предикативные конструкции

(сравните: *Володя пришел мрачный — Володя пришел. Он был мрачный*)³. При полусвязочных глаголах такая трансформация невозможна (сравните: *Павел считается хорошим специалистом; нельзя сказать: Павел считается*).

Нижняя граница, отделяющая полусвязочные глаголы от связочных, проведена, по нашему мнению, недостаточно четко. В состав связочных глаголов Р. Зимек включает следующие: *бывать, являться, явиться, представляться, кажим, состоять кем, числиться кем, приходится кем, доводиться кем кому, значить, служить кем/кем, стоять кажим*. Думается, что эти глаголы, существенно отличающиеся в лексическом значении от глагола *быть*, являются такими же модификаторами «идеальной» связки, что и полусвязочные глаголы. Рассмотрим, например, иллюстративные доказательства автора к связочному глаголу *представляться кажим*. Функциональное употребление этого глагола и полусвязочного (по Р. Зимеку) глагола *считаться кажим* существенно не раз-

личается. Сравните пример исследователя и наше включение в скобках: *Учение о тепловых явлениях представляется (считается) еще недостаточно детально разработанным*.

Мы находим, что признаковым для связочных и полусвязочных глаголов являются не их внутренние различия, а ярко выраженная противопоставленность и тех, и других глаголов глаголу *быть*. В русском языке только связка *быть* может свободно сочетаться с параллельными предикативными формами имен. Все же остальные глаголы используются, как правило, лишь с одной из форм, возможных при глаголе *быть* — с формой творительного предикативного. Сочетания полусвязочных глаголов с краткой формой прилагательного или с именительным предикативным существительным и прилагательным (сравните: *Он считался весел/веселый/весельчак*) квалифицируются грамматистами как сравнительно редкие, малоупотребительные в наше время. Значит, истинной связкой в русском языке можно признать только глагол *быть*. Все же другие глаголы, до верхней границы Р. Зимека, являются, по нашему мнению, полусвязочными.

В целом же монография Р. Зимека может рассматриваться как надежная и необходимая основа дальнейших исследований синтаксиса русского языка, как весьма удачный опыт сопоставительного анализа структурных особенностей предложения двух славянских языков.

³ В построениях со знаменательными глаголами чехословацкие грамматисты выделяют особый член предложения, так называемый *doplněk*. А. А. Шахматов также отмечал этот особый член предложения («второе сказуемое»). Но концепция А. А. Шахматова не получила дальнейшего развития в отечественном языкознании. И только в наше время ученые вновь обращаются к этому весьма перспективному, на наш взгляд, грамматическому решению [13—14]. Сравните также указанные выше работы В. Грабье [5], стр. 76—83, и Я. Светлика [7], стр. 118—130.

Литература

1. Āurovič L. *Modálnost*. Bratislava, 1956.
2. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české. Studie syntaktické. Praha, d. 1, 1956; d. 2, 1961.
3. Bauer J., Mrázek R., Záža. *Průruční mluvnice ruštiny pro čechy*. Skladba. Praha, 1960, d. 2.
4. Мразек Р. Синтаксис русского творительного. Прага, 1964.
5. Грабье В. *Polovět-né vazby a kondenzace «druhého sdělení» v ruštině a v češtině*. Praha, 1964.
6. Затовка И. М. *Neosobní predikativa a útvary příbuzné. Zvláště v ruštině*. Praha, 1965.
7. Светлик Я. Русский синтаксис в сопоставлении со словацким. Братислава, 1966.
8. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
9. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 258.
10. Молотков А. И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке. В кн.: «Вопросы грамматики». Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мешанинова. М.—Л., 1960, стр. 342—361.
11. Адамец Р. К эквивалентům sloves *býti* a *miti* v ruštině. «Rusko-české studie». Praha, 1960, str. 191—213.
12. Зимек Р. К chápání posesivnosti. «Rusko-české studie». Praha, 1960, str. 131—156.
13. Попов А. С. О некоторых второстепенных членах предложения с двойным подчинением в современном русском языке. Известия Воронежского педагогического института. Т. 42. Воронеж, 1962, стр. 29—32.
14. Объектный предикатив в современном русском литературном языке. Русский язык в национальной школе, 1967, № 3, стр. 82—85.

В. И. Чернов